

Марина и Сергей Дяченко

Театр и фантастика (сборник)

Марина и Сергей Дяченко

Театр и фантастика (сборник)

«Автор»

Дяченко М.

Театр и фантастика (сборник) / М. Дяченко — «Автор»,

Мы оба – люди кино и театра. Марина по специальности – актриса, работала в театре, долгое время преподавала в Театральном институте. Сергей – киносценарист, закончивший ВГИК. По его сценариям поставлено несколько художественных фильмов (в частности, шестисерийный «Николай Вавилов»). Есть у нас и поставленная в Государственном академическом театре русской драмы в Киеве пьеса «Последний Дон-Кихот». Разумеется, в наших книгах мы не могли обойти любимую тему стороной. Например, в романе «Пещера» она является едва ли не главной. Предлагаем вам повести и рассказы, где главные герои – театр или люди театра, а фантастика позволяет увидеть их в неожиданном, парадоксальном ключе. Надеемся, что наша авторская «антология» – лишь первый мостик между фантастикой и театром, первая попытка синтеза двух начал. Сборник предназначен не только для любителей фантастики, но и театра, искусства. В сборник вошли: «Кон», повесть (2001) «Эмма и сфинкс», повесть (2002) «Лунный пейзаж», рассказ (2002) «Заклинание», рассказ (2000) «Преемник», фрагмент из романа (1997, испр. 2000) «Последний Дон-Кихот», пьеса (2000)

© Дяченко М.

© Автор

Содержание

Кон	5
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Марина и Сергей Дяченко

Театр и фантастика

(цикл фантастических историй для любителей театра)

Кон

– Меня зовут Тимур Тимьянов.

Тишина. Полумрак большого пустынного холла; за невысокой стойкой угадывались очертания никелированных вешалок для одежды – старомодных растопыренных стоек, в наготе своей напоминавших осеннюю рощицу.

– Я пришел...

Тимур запнулся.

Он бывал под этой крышей много раз, но никогда прежде – со времен очень раннего детства – не входил со служебного хода. Здесь было пусто и чисто, на стене против входа помещалось одно-единственное зеркало, а над лестницей, ведущей налево и вверх, слабо фосфоресцировал один-единственный циферблат.

В прихожей не было ни души, но ощущение возникало такое, будто стоишь голый перед огромной молчаливой толпой, и все взгляды слились в один тяжелый Взгляд, лишенный злобы, но лишенный и симпатии. В первый момент Тимур даже отшатнулся, да что там – готов был бежать обратно на улицу; пришлось приложить значительное усилие, чтобы скрыть испуг.

Кон не любит трусов.

– Я пришел... Я хотел бы договориться о премьере.

Главное сказано. Теперь – ждать ответа. О том, что ответа может не быть, Тимур не думал ни прежде, ни теперь.

Длинная стрелка на зеленоватом циферблате дернулась, перескакивая с деления на деление, и целой секундой позже Тимур услышал звонкое «цок».

Все ли он сказал? Нет, он ухитрился пропустить самое важное!

– Я режиссер. Я постановщик. Я хотел договориться...

Где-то на лестнице, этажом выше, резко скрипнула дверь. И снова воцарилась тишина; Тимур ждал. Длинная звонкая стрелка снова вздрогнула; одиннадцать часов три минуты. Лучшее время для визита.

– Мне можно войти?

Тихо. Но напряжение взгляда едва заметно ослабело. Внезапный сквознячок едва ощутимо подтолкнул Тимура по направлению к лестнице – и исчез.

Поколебавшись, Тимур двинулся вверх по истертым мраморным ступенькам. Перила были деревянные, Тимур боялся дотронуться до них – при мысли, сколько великих людей полировали это дерево своими прикосновениями, рука отдергивалась сама собой.

Этажом выше он остановился. Можно было повернуть налево, или направо, а можно было продолжать подниматься.

Ощущение чужого взгляда вернулось с новой силой, и тут же в коридоре слева – ох, какой длинный и темный коридор! – мелькнул свет. Мелькнул снова. И, разгоревшись, уже не гас; борясь с неприятным холодом в животе, то и дело оступаясь на складках ковровой дорожки, Тимур двинулся на огонек.

Обнаружилась желтоватая лампочка под потолком, тусклая, в оплетке из проволоки. Круг света лежал на крашеной стене; Тимур вздрогнул.

«Пьеса?» – было написано на стене мелом. Хитрой гадюкой выгибался вопросительный знак.

– «Три брата», – торопливо сказал Тимур. И тут же добавил, будто оправдываясь: – Есть смысл братья за классику, потому что...

Хлопнула дверь за его спиной; Тимур невольно вздрогнул. Обернулся, оторвав взгляд от меловой надписи; на этот раз дверь приоткрылась с длинным скрипом – недвусмысленно приглашая.

Тимур вошел.

Гримерная на четверых. Со времен детства Тимуру не доводилось видеть столь уютных гримеров; на одном из зеркал таяла испарина. Он едва успел разобрать слова на запотевшем стекле: «Восемнадцатое тебя устроит?»

– Восемнадцатое ноября?

Ощущение чужого взгляда оставалось, Тимур чуял его зудящей кожей щек, но страх прошел, почти полностью вытесненный предчувствием крупной удачи. Легкостью первого успеха; до премьеры оставалось две недели, а восемнадцатое ноября приходилось на субботу, на лучший для спектакля день.

– Спасибо, – сказал он, еще не веря собственному счастью.

Огляделся.

Мягкие кресла, кожаный диван, загородка для душа; гримерка походила на обычный номер недорогой гостиницы. Вместо обоев стены были оклеены афишами – старыми, пожелтевшими, и новыми, в росчерках автографов.

«Дианочка! В день твоего торжества...»

«Потому что театр – наш дом, наша жизнь...»

«Поздравляю!»

«Поздравляем с триумфом... это день... торжество на Коне...»

Тимур перевел взгляд.

В свободном углу какой-то из афиш имелась крупная надпись красным фломастером: «Прогон даю утром восемнадцатого числа. Сцена будет ваша с девяти утра. В любое удобное время занеси мне фонограмму, партитуру для света и все технические пожелания. Ты понял, Тимур Тимьянов?»

– Я понял, – сказал Тимур.

Страх испарился окончательно. В зеркалах отражался тощий молодой человек с глупой улыбкой на лице – скуластый, темноволосый и большеротый; чем больше рот – тем шире улыбка, говаривала когда-то мать. Синий костюм, надетый специально в честь визита, сидел мешковато; я ужасно выгляжу, подумал Тимур, не переставая улыбаться. Интересно, составил ли Кон свое мнение обо мне? Или составит только после премьеры? А может быть, я понравился ему, и потому премьера назначена так скоро, и выбран такой удачный день?

Он шагнул к двери – но уходить не стал. Потоптался на месте; афиши притягивали его.

– Можно, я...

Включился, будто грянул, свет. Тимур, привыкший к полумраку, зажмурился; да, Кон поощрял его любопытство. Тимур слышал, что Кон, как правило, любезен с вежливыми незнакомцами – но куда приятнее было думать, что это не просто вежливость, а нарождающаяся симпатия...

Он подошел поближе к оклеенной афишами стене.

Названия. Имена. Даты. Витиеватые автографы. Затеиловые графические картинки. И среди всей этой великолепной пестроты – вдруг простая афиша, знакомая до мельчайших деталей.

«Шторм». Сотое представление. В главной роли – Грета Тимьянова...»

Тимур шагнул вперед. Поднялся на цыпочки.

Случайно ли в этой примерке оказалась именно эта афиша? Или новая любезность Кона?

На афише стояла дата – сотое представление знаменитого спектакля случилось десять лет назад. Тимур был тогда пятнадцатилетним подростком, не особенно прилежным в учебе, а мать играла восемнадцатилетнюю девушку, естественную и неискушенную, из зала ей можно было дать в худшем случае двадцать. Зал рукоплескал стоя; директриса Тимуровой школы, преподававшая также и физику и поэтому приглашенная – в порядке взятки – на юбилейный спектакль, долго не могла прийти в себя от изумления и зависти. В результате Тимур едва перешел в десятый класс – никакие пятерки по литературе, истории и пению не могли искупить обоймы двоек по физике, а директриса скорее мешала, чем помогала сыну блистательной Греты Тимьяновой, своей ровесницы, выглядевшей на сцене девчонкой...

В какой-то момент ему показалось, что в примерке за его спиной есть еще кто-то. Обернулся резко, будто желая поймать на своеволии собственную тень; ящик ближайшего гримировального столика был чуть приоткрыт, хотя Тимур прекрасно помнил, что он был плотно задвинут еще две минуты назад...

В ящике лежали бумажное полотенце, мыло в мыльнице и распечатанная пачка салфеток. «Ты хорошо понимаешь условия? – прочитал Тимур на салфетке, лежавшей сверху. – Отказаться можно в любой момент, я не обижусь. В любой момент, до третьего звонка. Только после третьего звонка твой поступок станет необратимым. Ты понял, Тимур Тимьянов?»

– Я понял, – сказал Тимур, сдерживая внутреннюю дрожь. – Спасибо...

Свет погас. Недвусмысленное предложение уйти.

Тимур на ощупь выбрал в коридор; желтая лампочка в оплетке все еще горела, и на стене под ней было написано мелом: «Я жду».

* * *

– Ты влюбился?

Тимур оторвал взгляд от пустой тарелки из-под супа:

– Что?

Мать убрала тарелку. Поставила не ее место другую, с котлетой и рисом. Вытерла руки полотенцем:

– Ты ведешь себя как влюбленный. Молчишь и улыбаешься.

– А-а-а... – Тимур растерялся. – Не знаю.

Мама молчала. Над головой у нее, на стене против окна, помещалась знакомая с детства афиша: «Шторм». Сто двадцатое представление».

– Ты немножко пугаешь меня, Тима, – сказала мать задумчиво. – Ты уверен, что не влюбился?

– Что такого пугающего во влюбленности? – он откусил сразу половину котлеты. – У-у, как вкусно... И лука в меру как раз... Булку в молоке вымачивала?

– Не уводи разговор в сторону, – мать усмехнулась. – У тебя все в порядке?

– Ну да, – Тимур жевал.

– С работой есть какие-то новости?

Он буднично пожал плечами:

– Ничего особенного. Репетируем...

– Я имею в виду – с настоящей работой. С трудоустройством.

– Мама, – Тимур отложил вилку. – Я занимаюсь самой настоящей работой. Сейчас. То, что за нее пока не платят – ничего не значит...

Мать хмыкнула. Уселась напротив, положила локти на стол:

– Значит, ты все-таки влюбился?

– Да, – сказал Тимур, помедлив.

– Я ее знаю?

– Нет.

Мать вздохнула. Все невысказанные упреки и пожелания, все планы, надежды и жалобы остались за этим вздохом. Немые. Мать виртуозно умела вздыхать. Великая актриса...

– А как с Ирой?

Тимур неопределенно пожал плечами. Будто желая помочь ему, в комнате зазвонил телефон.

– Ешь, – мать поднялась.

Тимур погрузил вилку в россыпи риса. Глупая улыбка вернулась снова – весь сегодняшний день она не отлипала от него, будто навязчивая мелодия. Только слепой не заметит; ему бы толику самообладания...

Мать вернулась. Увидев, какое у нее лицо, Тимур едва не поперхнулся рисом.

– Тима...

– Кто это звонил?

– Тимур... ты правда там был?!

– Кто это звонил? – спросил он с холодной яростью.

– Какая разница, кто... ты всерьез думал скрыть от меня? Ты действительно думал, что это возможно? Я уж молчу о том, что это подло, Тима, так поступать за моей спиной...

– Кто звонил?! – спросил он в третий раз.

– Дегтярев, – сказала мать еле слышно. – Он видел, как ты выходил... оттуда. Сегодня, без пятнадцати двенадцать...

– Он что, с хронометром там стоял?!

– А ты что думал, – сказала мать неожиданно спокойно, даже насмешливо. – Ты думал, здесь так легко сохранить тайну? Горячий уголь за пазухой? У Дегтярева два спектакля на Конне... Ты же ему конкурент. Каждый новый спектакль на Конне – пожиратель старых спектаклей, они уступают ему время, они идут все реже... Чтобы не допустить тебя на Кон, кое-кто из шкуры вон выпрыгнет. Пошады не жди...

– Я знаю, – сказал Тимур.

– Ты «знаешь», – мать усмехнулась. – Дурак.

Повернулась и вышла.

Некоторое время он сидел на остывшей тарелкой. За окном давно уже стояла темнота; маленькая лампа над раковиной была сейчас единственным источником света во всей их небольшой квартире.

Наконец Тимур встал. Включил свет в гостиной; постоял перед дверью маминой комнаты. Решился. Вошел.

Мать лежала в темноте – на диване, лицом вниз.

– Ма, – сказал Тимур, остановившись в двух шагах от дивана. – Ты же сама играла на Кону. Почему тебе кажется странным, что я тоже хочу попробовать?

Молчание.

– Ма... Я уверен в себе. Я знаю: то, что я сделал... то, что мы сделали – это по меньшей мере хорошо...

Мать пошевелилась. Села.

– Мой учитель, Григорий Петрович...

В темноте Тимур не видел ее глаз.

– ...Всю жизнь ставил великолепные спектакли, – негромко продолжала мать. – Получил все возможные звания, награды, призы... Воспитал два поколения учеников... И ни разу не обращался к Кону! А под старость не выдержал... видно, жил в нем этот червячок – быть

признанным Коном... И поставил премьеру на Коне! Я была в зале... все его ученики были в зале... Зал был... битком – знаешь, Кон любит, когда в проходах стоят... И мы увидели, что наши старые артисты, наши золотые дедушки и бабушки, наши кумиры... что они бездарно врут. Что они патетичны. Что они некрасивы, пафосны, неискренни... Кон не принял этого спектакля, уж не знаю почему. Те же старики в других спектаклях Кона – блистали... А этого спектакля Кон не принял, и мы, сидящие в зале, увидели все, что нам полагалось увидеть. И они, увенчанные лаврами старики, поняли все, что им надлежало понять... Сразу после премьеры было три инфаркта. А Григорий Петрович...

– Я прекрасно помню эту историю, – сказал Тимур.

– Что ты можешь помнить, ты тогда был пацаном...

– Я знаю, что Кон жестокий.

Мать усмехнулась в темноте:

– Ты не представляешь, до какой степени жестокий. Но узнаешь, если Кон не примет твоего спектакля. Тогда тебе придется менять профессию, Тимур, менять навсегда... ты это понимаешь?

– А если Кон примет?

Мать помолчала.

– ...А твои артисты, все эти странные ребята... которые не хотят идти в нормальный театр, не хотят бегать в массовках и выпрашивать эпизодика... Которые хотят сразу – и на Кон! Которым тоже придется идти в гардеробщики сразу после премьеры... и дай-то Бог, чтобы все они остались живы и здоровы, если Кон не примет спектакля...

– А если примет?

Новая пауза.

– Ты помнишь тех провинциалов... как их... Три года назад? Их предупреждали тоже...

– ...наш спектакль с этой провинциальной самодеятельностью?!

– Я не сравниваю. Я просто вспоминаю. Их предупреждали. Они влезли на Кон со своей драмой... Помнишь? Девчонка, которая играла героиню, потом в психушку на два года... Такая депрессия... Ты помнишь?! Это уже на твоих глазах было! Это не чьи-нибудь рассказы, ты сам там был и все видел!

– Их предупреждали, – глухо сказал Тимур.

– Тебя предупреждают тоже. Прямо сейчас.

– Мама! Речь идет о хорошей профессиональной работе. Я не хочу сказать, что это гениально, но...

– Нет, Тима. Именно «гениально». Ты в этом уверен. Тебя разубедят только свист и улюлюканье на премьере...

– Типун тебе... – начал Тимур и осекся. – Извини.

– Извини и ты, – медленно сказала мать. – Собственно, Дегтярев позвонил мне именно с тем, чтобы я тебя удержала.

– И ты доставишь Дегтяреву эту радость?

Мать щелкнула выключателем. Мягкий свет торшера показался Тимуру ослепительным.

– Тебе не следовало идти туда тайком от меня.

– Извини.

– Теперь тебе придется пойти туда снова. И сообщить Кону, что ты передумал.

Тимур молчал.

Лицо матери было бледным, осунувшимся, решительным.

* * *

– Восемнадцатого у нас премьера на Коне, – сказал Тимур.

Оля ахнула. Вита хлопнула в ладоши. Кирилл и Борис переглянулись.

– А генеральный прогон? – деловито поинтересовался Дрозд.

– Только один. К сожалению, в тот же день. Зато сцена будет наша с девяти утра.

– Обычная практика Кона, – задумчиво сказал Дрозд. – Все вечера у него забиты...

– Восемнадцатое – это же суббота! – Вита обхватила плечи, будто замерзая. – Народу набьется...

– На Кону всегда набивается, – сказал Кирилл. – Особенно на премьере.

– Летим в заоблачные выси, – рассеянно пробормотал Дрозд. – Не шлепнуться бы.

– Ваше дело – работать, – строго сказал Тимур.

– Я не буду, – Оля подняла голову, Тимур увидел, что она на грани истерики. – Я не буду. Я боюсь. Я не пойду на Кон. Я бездарная.

– Тогда вставай и уходи, – сказал Тимур, не повышая голоса.

Зависла пауза, жесткая, будто высохший столярный клей. Оля неуклюже выбиралась из ряда зрительских кресел – а ряды в старом клубе были неудобные, деревянные, приколотенные слишком близко друг к другу.

– Оля, – растерянно сказала Вита. – Не делай глупостей... Мы же договаривались...

Оля подобрала свою сумку, лежавшую в проходе на ступеньках. Не поднимая головы, двинулась к выходу из зала.

Тимур молчал.

– Топорова! – рывкнул Кирилл. – А ну сядь, где сидела!

– Пусть идет, – сказал Тимур. – Прощай, Оля. Ты сильно ошиблась в выборе профессии.

Оля обернулась. По щекам ее расплзались красные пятна:

– Я боюсь! Ясно вам? Это провал, это...

– Мы же договаривались, Оля, – мягко сказал Дрозд. – Ты же все заранее знала, нет?

Пышные выющиеся пряди по обе стороны лица делали Олю похожей на коккер-спаниеля. А большие отчаянные глаза только усиливали это сходство.

– Иди-иди, – сквозь зубы пробормотал Тимур, давая в себе невольное сочувствие. – Неудачница.

Волоча по ступенькам сумку, Оля кинулась вверх. Хлопнула, закрываясь, дверь.

– Так, – сказал Тимур. – Я это предвидел, конечно...

Ничего он не предвидел, но терять лицо нельзя было.

Вита поднялась:

– Погоди... Я ее догоню.

И побежала вслед за Олей; дверь хлопнула снова.

– Мужики, а может, черт с ним? – хрипло спросил Борис. – В самом деле...

– Ты туда же? – резко обернулся Тимур. – Скатертью дорога!

– Да нет, – Борис смутился.

– Не дергайся, Тим, – негромко сказал Дрозд. – Это естественно. Мы не ждали, что ты вот так прямо и заявишься к Кону... А ты пошел и сделал. Первая реакция – бурная. Мне самому не по себе.

И сделалось тихо. Они, четверо мужчин, сидели в большом и холодном зале Народного клуба, где на спинках твердых, покрытых растрескавшимся лаком кресел были в изобилии выцарапаны ругательства и непристойные картинки. Они сидели перед сценой, плоской, как блин, годной на то лишь, чтобы высаживать по праздникам президиум.

Они были еще очень молоды. Кириллу и Борису было по двадцать два года, Тимуру – двадцать пять, и только Дрозду – двадцать девять. И еще много лет им предстояло мыкаться по таким вот жалким подмосткам, играть спектакли для полупустого зала – в ожидании, пока наконец судьба не преподнесет подарок в виде места в более-менее приличном театре...

– Там такие классные гримерки, – сказал Тимур неожиданно для себя.

– Да? – заинтересовался Кирилл. – Сцену тамошнюю все мы видели... А гримерки – тоже?

– Я бы там жил, – признался Тимур. – Я бы там поселился, ей-Богу.

– Страшно было к Кону идти? – небрежно спросил Дрозд.

– Сначала да, – честно признался Тимур. – Но потом... как-то сам собой проходит страх. Может быть, я ему понравился, или он маму вспомнил, но у меня почему-то такое классное предчувствие...

Тимур помолчал. Сказал совсем другим тоном:

– Ребята, мы сейчас всем поперек глотки. Все, чьи спектакли идут на Коне, на нас навалился единым фронтом, имейте в виду...

– Ясное дело, – задумчиво сказал Дрозд. – Тима, надо как-то девчонок оградить. Нам с Кирюхой и Борькой все это до лампочки, а вот Оленька истеричка у нас...

Хлопнула дверь. Вернулась Вита. Сияющая, несмотря на длинную царапину поперек щеки.

– Значит так, – Вита уселась на край сцены с видом победительницы. – Оля работать будет, она у нас самая талантливая, самая хорошая, просто гениальная... И спектакль у нас гениальный. И, Тима, если у тебя есть сигареты в сумке, угости меня, пожалуйста, я заслужила.

Тимур вытащил непечатую пачку «Золотого овна», бросил Вите над головой Дрозда; девушка лихо поймала сигареты. Благодарно цокнула языком.

– Все тебе, – сказал Тимур. – Ты действительно заслужила. Только не кури, ради Бога, в зале – мне еще проблем с пожарником недостает...

Вита обворожительно улыбнулась, и Тимур подумал, что девку ждет блестящее будущее. Пусть только режиссеры увидят ее на Кону! Пусть увидят, на что она способна!

– Когда станешь примадонной, угостишь и меня, – сказал неожиданно севшим голосом.

– Ты же не куришь, – прыснула Вита.

– Конфетой угостишь... Все. Хватит трепаться. На сцену.

* * *

– Тим.

Он обернулся, но увидел сперва только огонек сигареты. Огонек похож был на красную аварийную лампочку.

– Привет, Тимка...

Тогда Тимур узнал этого человека – по голосу.

– Добрый вечер, – отозвался сдержанно.

– Что так сухо? – мужчина вошел в круг света под фонарем. У него было выразительное моложавое лицо; на кончике чуть крючковатого носа кокетливо сидели крошечные очки в модной оправе.

– Ты что-то хотел мне сказать? – спросил Тимур.

Собеседник откинул со лба красивую седую прядь:

– Собственно, да... Хотел.

– Так вот: я не стану тебя слушать, Дегтярев. Кон выразил пожелание увидеть мой... наш с ребятами спектакль в субботу, восемнадцатого. Приходи, если хочешь. Если сможешь достать билет.

– Мальчик вырос, – Дегтярев усмехнулся.

– Давно. Ты только сейчас заметил?

– Я боюсь за тебя, – жестко сказал Дегтярев. – Ты отвечаешь за жизнь и здоровье твоих актеров... Ты их подставляешь, кладешь на плаху. Тебе ведь ничего не будет, только позор,

а от этого не умирают. А знаешь, что такое депрессия после провала на Коне? Ни черта ты не знаешь.

– Провала не будет. Я понимаю, тебе очень хотелось бы, но провала не будет...

– Будет провал! Будет! Ты же неуч, Тима. Тебя ничему так и не научили за пять лет в институте... Я же видел твои курсовые работы. Это дилетантизм, Тима. Кон такого не потерпит никогда. Я немножко знаю его вкусы...

– Пошел к черту! – сказал Тимур и захлопнул перед носом Дегтярева тяжелую дверь подъезда.

* * *

– Мама?

Мать сидела за кухонным столом. Перед ней стояла тарелка с полуплиткой шоколада и пустая на три четверти бутылка коньяка.

– Мама?! – Тимур в ужасе остановился в дверях.

– Беседовал с отцом? – спросила мать, не оборачиваясь.

– Да, – сказал Тимур упавшим голосом. – То есть нет... Не о чем нам беседовать... Я его к черту послал, если честно...

– Ну и правильно, – сказала мать, опуская голову на сплетенные пальцы. – Я его тоже послала... когда-то... только не к черту, а подальше... – она хохотнула. – Тима... когда я шла первый раз на Кон, я, дура, тоже ничего не боялась. Молодая была, моложе тебя... Помню, как мы вышли на поклон. А самого спектакля – не помню. Помню, стою на краю сцены, мокрая, горячая, в пудре... Зал – как море... С ума посходили, орут «браво», чуть с балконов не падают... – она торопливо плеснула из бутылки в рюмку, отхлебнула коньяк, как воду. Поморщилась; улыбнулась:

– Да... Это было такое счастье... И сто спектаклей – счастье, жизнь... И сто двадцать... И сто пятьдесят... Одну роль я почти семнадцать лет играла, Тимочка. Мне другие роли предлагали – не бралась, думала, не стоит, вот отыграю свой «Шторм»... А когда «Шторм» сошел с Кона... мне уже было за сорок, а я играла восемнадцатилетнюю... «Шторм» выдержал сто пятьдесят семь представлений! Я поняла, что больше никогда и ничего не сыграю. Не могу ничего играть после моей гениальности на Коне... Обо мне так и говорили – «гениальная Тимьянова»... А я не знаю, была ли я хорошей актрисой, или Кон сделал меня... сделал меня такой, потому что ему понравился спектакль. Возможно, именно Кон... и убил во мне актрису. Это как наркотик – к нему пристрастишься... и пустота. Я могла бы играть по сей день... Я могла бы работать, Тима! Кон... Я так его любила. Я его обожала, это чудовище. Лучше бы тебе держаться от него подальше... Но ты не хочешь синицу в руках. Ты не хочешь годами ставить детские утренники...

– Не в том дело, мама...

– Я знаю, в чем дело, – сказала мать раздраженно. И тут же попросила почти шепотом:

– Тима... Обещай, что ты хоть мне-то спектакль покажешь. Прежде чем тащить его на Кон... Обещай, а?

* * *

Женщина стирает белье в ледяной воде. Всхлипывает, стискивает зубы – и стирает снова, трет о железную гофрированную доску, вода в тазу берется льдом, женщина ранит руки – но продолжает стирать...

В ремарке нет никакой стирки, нет мороза, нет грубого фартука прачки. Согласно пьесе, героиня сейчас скучает на даче, сидит в беседке, разговаривает с гостем под далекое пение граммофона...

– Молодец, Оля. Умница. Кир, не подходи так близко. Держи дистанцию – во всех отношениях... Да, молодец!

Репетиция шла своим чередом; Тимур сидел в зале, в пустынном царстве скрипучих кресел, и ему казалось, что он видит исходящую от ребят энергию. Купается в ней; с Кириллом надо будет дополнительно поработать, он немного проваливается в этой сцене, роль Писателя – не из легких... Но Тимур знает, что и как сказать, что и как надо сделать, чтобы все встало на свои места. Оля молодец. А Дрозд... Что с Дроздом? Определенно что-то происходит, надо будет выяснить после репетиции...

Женщина отбрасывает мокрую тряпку. Ее руки сведены судорогой, она не может пошевелить и пальцем. Ведет светскую беседу.

...Еще три года назад Тимур поставил этот спектакль в собственном воображении, и многократно просматривал его, критиковал и снова просматривал, проигрывал по очереди все роли, разочаровывался, ненавидел, гнал прочь... Вскикивал ночью от внезапных ярких снов – а эту сцену можно бы изменить вот так... Возвращался к спектаклю, зачитывал пьесу до бурых пятен кофе на страницах, рисовал мизансцены, вылавливал в толпе лица людей, похожих, как ему казалось, на вымышленных им героев. Вот беда – с каждым новым просмотром то, что виделось Тимуру, все более отдалялось от исходника, от пьесы, от текста, знакомого «со щенячества»; Тимур ставил курсовые и дипломные работы, был в институте на хорошем счету, но только полгода назад набрался смелости и окликнул в коридоре проходившую по своим делам студентку Виту – с тем, чтобы предложить ей роль в «Трех братьях»...

...Здесь будет перемена света. Тимур точно знает, каким должен быть этот свет, примитивное клубное оборудование не способно на такой эффект, но Кон... Кон сделает.

...Кирилл и Борис нашлись одновременно. Оля пришла позже – перед этим ее роль играла друга актриса, но только с появлением Дрозда все стало на свои места, и призрачные персонажи навязчивых Тимуровых снов стали, наконец, обрастать плотью, и тогда он понял с ужасом, что все делал неправильно, что эти вот живые люди властно меняют его задумку самым своим существованием и что все надо начинать с начала...

...Ему казалось, что музыка в лирической сцене Дрозда и Оли так же материальна, как его, Тимура, рука. Что он может протянуть ее и подтолкнуть диалог – в нужную для спектакля сторону.

...Понял, что надо начинать с начала. Не все поверили ему сразу – тот же Борис долго сомневался, смотрел недоуменно, «а нас на мастерстве учили по-другому»... И Дрозд вовсе не лежковерен, но именно Дрозд, пожалуй, первый поверил полностью. Тимур помнил, как однажды, придя пораньше на репетицию, услышал случайно слова, для его ушей не предназначенные. «Тимка чует время, – говорил Дрозд. – То, что он делает, на первый взгляд кажется ересью, фигней, но ты вспомни историю театра, Борь...»

Если бы эти слова сказаны были в расчете на Тимура – он счел бы их лестью. Но Дрозд никогда никому не льстил – и потому, наверное, его актерская судьба никак не могла сложиться.

...И вот этот спектакль, проросший сквозь Тимура, как, говорят, прорастает бамбук сквозь живое человеческое тело – вот он обрел свою жизнь. Он существовал отдельно, самостоятельно; если Тимура, к примеру, завтра соьет машина – спектакль все равно останется... во всяком случае, Тимуру хотелось бы в это верить.

...Темнота. Умолк магнитофон, погасли все огни на сцене, погасла дежурная лампочка за кулисами.

– Привет, – сказал в темноте Дрозд, и этой реплики не было в пьесе. – Опять вырубили.

– Ничего страшного, – сказал Тимур. – Зажжем свечи.

* * *

– У меня озвучку переназначили на вечер, с пяти и до одиннадцати, – сказал Дрозд. – Каждый день, до восемнадцатого включительно... Что будем делать, Тима?

– Ты же понимаешь, – устало сказал Тимур. – Это сделано специально, чтобы сорвать нам репетиции.

Дрозд почесал мочку уха:

– То есть вопрос стоит таким образом: мне бросать работу?

– Как ты думаешь: Кон примет этот спектакль? – спросил Тимур, глядя Дрозду в глаза.

Он был двухметрового роста, Дрозд. Тимур смотрел на него снизу вверх:

– Как ты думаешь, если бы нас не боялись... если бы у нас не было шансов – хоть кто-нибудь почесался бы, чтобы нам помешать?

– Да, Тима, – сказал после паузы Дрозд. – Я понял... Если мне не дадут отпуск на эти две недели – придется увольняться.

– Это твое решение, – сказал Тимур глухо. – Но мне кажется, что ты прав.

* * *

«Комедия характеров» в дегтяревской постановке была единственным спектаклем Кона, которого Тимур до сих пор не видел. Это был самый «свежий» спектакль, последняя премьера; в ночную очередь под стены Кона он отправился без содрогания, даже с некоторым удовольствием: Тимур любил эти ночевки, даже зимой, даже в дождь; ночь перед кассой была преддверием радости, началом спектакля, красивым ритуалом, требующим от истого театрала выдержки и смирения.

Сидя на складном стульчике у костра из деревянных ящиков, слушая треп нескольких «чистых» театралов и нескольких театралов-спекулянтов – а эти-то были завсегдатаями ночных очередей под Коном – Тимур снова и снова прогонял перед глазами свой спектакль, мысленно делал замечания актерам и прогонял снова, пока его не толкнули локтем в бок, довольно невежливо:

– Тимка, а ты что здесь делаешь?

Тимур поднял глаза. У костра обнаружился его однокурсник Илюха в камуфляжной куртке и ватных штанах – с оглядкой на холодную ночь.

– За билетами сию, – сказал Тимур.

Илюха присвистнул:

– Что, за билетами на собственного бати спектакль?

– Это какого бати? – подозрительно спросил ближайший справа театрал-спекулянт. – Дегтярева? Он же Тимьяновой сын, Греты!

– Одно другому не мешает, – хохотнул Илюха.

– Заткнись, – сказал Тимур.

– Ну, прости, – Илюха тут же пошел на попятный. – Прости, если чего не так... Просто странно мне...

– Какой ты странный неухоженный мальчик, – задумчиво сказал театрал-спекулянт. – Имея таких родителей...

Тимур промолчал.

* * *

– Категорически запрещается использовать на сцене открытый огонь! Категорически, Тимьянов! Я предупреждала!

– Но ведь света не было, – повторил Тимур, стараясь, чтобы голос звучал доброжелательно. – Мы оплачиваем эту сцену – и хотели бы, чтобы условия...

– Кто позволил вам занимать помещение до часу ночи? У нас уже был подобный разговор, помните, Тимьянов?

На столе перед администраторшей лежала огромная коробка конфет. Но женщина не смотрела на коробку – она смотрела Тимуру в глаза; раздражение ее не было наигранным. Она действительно очень злилась.

После бессонной ночи оставаться невозмутимым было стократ труднее, чем обычно. Тимуру хотелось стукнуть по столу кулаком – так, чтобы проклятая коробка конфет подскочила. Ему хотелось высказать в лицо этой женщине все, что он думает по поводу ее клуба, и руководства этим клубом, и облаченных властью тетушек, обожающих запреты; потом, возможно, будет стыдно, мучительно стыдно, и, что самое главное, спектакль перед самой премьерой окажется на улице...

– Я обещаю, что огня больше не будет, – сказал Тимур кротко. – Я обещаю, что мы будем освобождать сцену не позже двадцати трех ноль-ноль... Я очень прошу вас отпереть подсобку и вернуть нам наши вещи.

И он вытащил из нагрудного кармана и положил поверх коробки свой последний козырь – два билета на Кон. На «Комедию характеров», на сегодня; два билета, пропахшие дымом ночного костра, оплаченные бодрствованием в очереди – и остатками сбережений. (Второй билет он собирался продать перед началом спектакля по «вечерним ценам» – и таким образом хоть как-то залатать дыру в бюджете; призраком явилась – и ушла – мысль пригласить Ирку. Нет, не нужно...)

Он смотрел, как меняется выражение лица администраторши. Как она разглядывает билеты – сперва брезгливо, потом недоуменно, потом с интересом. И как, наконец, решается взять их в руки.

Билеты на Кон – ослепительно-белые, без виньеток и лишних надписей, только дата, ряд и место. И в уголке надпись от руки: «Кон ждет вас».

– Мда, – сказала администраторша задумчиво.

Билеты были в партер. Спекулятивная их стоимость равнялась двум администраторшиным зарплатам. Неудивительно, с такой-то родней, неприязненно подумала администраторша; вслух ничего не сказала, но прочитав эту мысль на желтом нахмуренном лбу не сумел бы только слепой.

– Ладно, Тимьянов, – сказала женщина, выдержав для приличия паузу. – Вот вам ключи от подсобки. Если еще раз увижу на сцене огонь или, упаси Господи, кто-то закурит... Ноги вашей не будет в этом помещении. Так и знайте.

* * *

После обеда пошел дождь; Тимур упаковал коробку с фонограммой в полиэтиленовый пакет, листы с партитурой с толстую пластиковую папку, надвинул капюшон на самые брови и пошел к Кону.

Перед служебным ходом никого не было, но Тимур не обольщался. За этой дверью наверняка наблюдают, и все, кому надо, уже через полчаса узнают, что «упрямый мальчишка перся к Кону со своими шмотками»...

В прихожей Тимур постоял, давая глазам привыкнуть к полумраку, позволяя дождевой воде сбежать с плаща и ботинок и собраться в небольшую лужу на каменном полу. Привыкая к пристальному взгляду. Принуждая себя расслабиться – и не бояться.

– Добрый день. Я принес фонограмму и все, что надо.

Тишина. Легкий сквознячок, подталкивающий к лестнице.

Негнуцимися от холода пальцами Тимур расстегнул плащ. Повесил на ближайшую вешалку; взглянул на себя в зеркало, но увидел только темный силуэт с объемистым пакетом под мышкой.

Тщательно вытер ноги о ворсистую тряпку под лестницей. Замешкался, прежде чем ступить на первую ступеньку; тонкий скрип раздался где-то наверху – будто ветер качнул неплотно закрытую дверь.

Повинуясь зову, Тимур двинулся вверх. На втором этаже остановился – в прошлый раз его поманили светом налево, но теперь в темном коридоре не видно было ни искорки. Вместо этого едва слышный скрип раздался сверху; Тимур поднялся на третий этаж и снова остановился в нерешительности. Чужой взгляд пощипывал кожу – казалось, лица и волос то и дело касаются бесплотные крылья. Ощущение не было приятным, Тимур с трудом сдерживался, чтобы не почесаться.

Огонек слева. Тимур ускорил шаги, почти побежал; споткнулся в полумраке о свернутую в рулон ковровую дорожку и, не удержавшись, грохнулся на пол.

Поднялся. Потер колено; автоматически вытер ладони о штаны.

Огонек все еще маячил впереди; шагов через двадцать Тимур остановился под лампочкой в проволочной оплетке. На крашеной стене было крупно написано мелом: «Смотри под ноги, Тимур Тимьянов».

Тимур улыбнулся. Ему почудилась доброжелательная интонация. Не раздражение, а дружеское ворчание. Почему он «услышал» надпись именно так? Действительно ли Кон благоволит к нему?

– Да, я постараюсь, – сказал он вслух. – Темно...

Лампочка вспыхнула ярче, в ее свете Тимур увидел дверной проем в десяти шагах перед собой. Уверенно шагнул вперед и снова чуть не упал – за дверью пол резко шел вниз, Тимур поскользнулся на невысоком, но очень крутом пандусе. Впереди обнаружился новый коридор, через равные промежутки освещенный все теми же тусклыми желтыми лампочками.

Двадцать шагов. Поворот. Четырнадцать шагов. Лестница. Два пролета вниз; поворот. Десять шагов. Поворот. Лестница, два пролета вверх...

Тимур не был уверен, что способен выбраться самостоятельно. Некстати вспомнился Дегтярев – как он однажды хватался, что умеет ориентироваться в недрах Кона чуть ли не с завязанными глазами...

Врал?

«Заблудился?» – написано было мелом на стене. Тимур снова померещилась добрая насмешка; вот бы увидеть хоть раз, как появляются эти надписи. За всю историю Кона этого ни разу никто не видел, та любительская видеозапись – явная грубая подделка...

– Заблудился, – признал он честно.

Впереди скрипнула дверь – явственно и тоже, кажется, насмешливо. Тимур оказался в маленьком зале; направо вели три одинаковых двери, средняя была чуть приоткрыта, и сквозь неширокую щель пробивался электрический свет.

Тимур вошел.

Разнообразная аппаратура занимала собой почти все пространство небольшой комнаты. Здесь мог одновременно находиться только один человек – либо стоять столбом посреди всего этого нагромождения техники, либо сидеть на высоком вертящемся стуле с вытертой обивкой. В стене напротив двери имелось прямоугольное окошко, Тимур увидел собственное отражение

в стекле – настороженные круглые глаза, темные волосы, налипшие на потный лоб... Да ведь он весь по-щенячьи мокрый, и не от дождя, та влага осталась внизу, на плаще...

Свет в аппаратной померк, и тогда вместо собственного бледного лица Тимур увидел сцену. У него захватило дух.

Сцена была рядом, прямо перед глазами. Сцена казалась огромной, сцена была клочком потустороннего мира, в одиноком белом луче, «простреливавшем» из кулисы в кулису, подрагивал воздух, будто над костром... А возможно, Тимуру померещилось. Ведь совершенно готов был увидеть здесь чудо – и увидел; эта сцена была главным достоянием Кона, его лицом. Здесь те, кого Кон принял, имели полную власть над чужими душами. А те, кого Кон отверг...

Тимур не стал думать дальше. Просто оборвал мысль, как ненужную нитку.

Одиноким луч на сцене погас, и вспыхнул свет в аппаратной. Темное окошко превратилось в зеркало – Тимур снова увидел себя, на этот раз счастливого, с круглыми горящими глазами.

Стоит взять себя в руки. Излишняя восторженность – ни к чему; Кон не любит дураков...

Чужой взгляд не исчезал, хотя смотреть было, в общем-то, неоткуда. Темноты вокруг Тимура почти не осталось – вокруг были деревянные стены с наклеенными на них календарями, пульта, такие пыльные, будто к ним не прикасались много лет...

Тимур присмотрелся.

Вся аппаратура, новая и древняя вперемешку, выглядела откровенно брошенной. Пыль, оборванные кабели, старая лента, застрявшая в головке магнитофона.

Возможно, для Кона все это – бутафория?! Вовсе не намагниченная лента вызывает к жизни музыку на этой сцене... неудивительно, если учесть, как звучат на Кону фонограммы – любые, самые примитивные... Конечно, если Кону нравится спектакль...

Тимур резко обернулся к окошку – ему показалось, что за стеклом промелькнула бледная тень.

Нет, ему не показалось.

С той стороны в окно смотрели. Человек. Скучный свет из рубки падал на его бледное лицо.

Дегтярев.

* * *

– Здравствуй, Тима! Ты уже принес фонограмму? Классно, молодец...

Тимур в который раз поразился умению Дегтярева менять лицо. Сейчас это – заботливый отец, искренне желающий сыну успеха. Конечно, ведь Кон слышит их разговор... Интересно, умеет ли Кон распознавать человеческое притворство? Игру не на сцене, а в жизни?

Тимур улыбнулся. Дегтярев – глупец... Ведь Кону нет дела до их отношений: даже если они обменяются самыми грязными оскорблениями, даже если передерутся, Кон не скрипнет и дверью, ему, образно говоря, плевать. Вот если бы Дегтярев решился, например, украсть или испортить фонограмму – тогда бы Кон вступился, ведь для него абсолютная ценность – спектакль... Спектакль, а не какие-то там человеческие разборки.

Возможно, Дегтярев тоже понимал этого. Но все-таки лицемерил по старой, въевшейся в плоть привычке.

– А ведь сегодня мой спектакль, Тима, сегодня «Комедия характеров»... Ты уже его видел?

– Нет, – сказал Тимур. Врать не имело смысла.

Дегтярев смутился. Или сделал вид, что смущен:

– Вот какая история... У меня ведь именно на сегодня нету контрамарок.

– Ничего, – сказал Тимур. – Когда-нибудь посмотрю. Надеюсь, он не скоро сойдет со сцены?

В глазах Дегтярева промелькнула настоящая холодная злость. Что за намек померещился ему в словах сына – Тимур задумываться не стал.

* * *

Обратно Кон не вел его; Тимур некоторое время возвращался прежним путем, а потом заблудился по-настоящему.

Театр заполнялся людьми; Тимур слышал отдаленные голоса. Собирались актеры «Комедии», собирались цеха, хлопали двери – без участия Кона, по воле каких-нибудь легкомысленных гримерш. Вся эта вечерняя жизнь происходила где-то рядом – и далеко: за сорок минут блуждания по коридорам Тимур не встретил ни единого человека, да он, собственно, и не стремился...

В какой-то момент он устал. Опустился на ступеньку, холодную, бетонную и не очень чистую.

Когда он был совсем маленьким... Лет до шести. Мать водила его за кулисы Кона... Помнится, он даже ждал ее в гримерке, рисовал цветными карандашами, которые привез из какой-то экзотической страны добрый папа Дегтярев... Тогда Кон не казался ему чем-то особенным. Просто здание, просто театр, точно такой же, как все другие театры... Правда, рисовать его тянуло только тогда, когда он усаживался за мамин гримировальный столик. Потом, в школе, у него были сплошные тройки по рисованию...

Он рисовал людей. Не деревья, не природу – только людей. Один ругает, а другой оправдывается. Один зовет, а другой спрятался и не отвечает. Один убегает, другой гонится... Один раз он даже нарисовал человечка, который врет, вот только ни мать, ни другие ценители «творчества» задумки не поняли. Ни красные уши, ни кривой рот не сказали им правды о нарисованном врунишке...

(В детском саду почему-то было принято, чтобы мальчики рисовали машины. Тимур находил себе отдушину, рисуя водителей в окне – придумывая им судьбы, проблемы, правда, забывая при этом заштриховать колеса или капот. Воспитательницы укоризненно качали головами...)

А за гримировальным столиком никто не указывал Тимур, что и как рисовать. Устав придумывать человечков, он долго смотрел в зеркало, на свое лицо, с двух сторон подсвеченное лампами, и начинал рисовать автопортреты. Всякий раз получалось по-разному: толстый грустный мальчик с голубыми глазами, тощий злой мальчик с черными глазами-точками, а однажды вышла и вовсе девчонка, тогда Тимур разозлился и порвал рисунок...

Он рисовал, а над дверью гримерки бормотал динамик. Тимур знал спектакль наизусть; он знал, что через пять минут после маминой «смерти» заиграет красивая музыка, и еще минут пятнадцать будет только музыка и треск аплодисментов, а потом придет мама – радостная и измученная, и надо будет уступать место перед столиком и ждать на диване, пока она сперва «намолчится», потом переоденется, умоется, потом, наконец, кивнет Тимур, и можно будет рассказывать о том, что случилось сегодня в садике...

А потом он пошел в школу, и мама перестала брать его на Кон. И за восемнадцать лет разлуки он забыл все, забыл динамик, кресло, карандаши и автопортреты, а вот теперь, сидя на холодной лестнице, вспомнил в деталях...

...У правого его ботинка обнаружился смятый фантик от конфетной обертки. Тимур, ни о чем не думая, поднял его и развернул.

«Ты мог бы пойти сегодня на спектакль?»

Даже не «хочешь», а «мог бы»...

– Я бы мог, – сказал Тимур. – Я был бы очень благодарен, если бы мне разрешили... У меня вообще-то были билеты, но я их отдал...

Сквозняк, холодный и резкий, тронул его затылок. Тимур обернулся...

«Иди», – было написано углем на светло-бежевой стене.

И приглашающе качнулась лампочка в конце коридора.

* * *

Он сразу же забился на галерку – стыдясь своих мятых брюк и огромных мокрых ботинок. В партере толпилась публика в вечерних нарядах; здесь же, на втором ярусе, обретались студенты, которых пускали на Кон по разнарядке, да обалдевшие от счастья ловцы «входного, без места».

Тимур устроился неплохо – пусть сбоку, но зато в первом ряду. Оперся локтями о вытертый серый бархат; стал разглядывать публику.

Несколько лиц, примелькавшихся в теленовостях. Нарядные дамы в сопровождении состоятельных мужей, известный киноактер, известный политик, еще кто-то с преувеличенно-значительным лицом, в компании двухметровой костистой блондинки...

Администраторша Народного клуба с мужем – оба разодетые в пух и прах, оба прямо-таки лоснятся от гордости.

Полным-полно приезжих. В изобилии иностранная речь; спектакли Кона все понимают без перевода. Приезжают на день, на два, заранее заказывают билет; привозят с собой лучшее платье, переодеваются прямо в поезде – и после спектакля, счастливые, идут сразу же на вокзал. Десятки турфирм зарабатывают на «театральных» экскурсиях...

Дегтярев помещался в специальной боковой ложе. Вот скользнул взглядом по ярусу – невзначай... Посмотрел снова, внимательнее. Неискренне улыбнулся, помахал Тимуру рукой.

Тимур помахал в ответ.

Все места были заняты уже после второго звонка. Все до единого.

Тимур нехотая вспомнил: «Отказаться можно в любой момент, я не обижусь. В любой момент, до третьего звонка...»

Раздраженно тряхнул головой.

После третьего звонка Кон никого не пускает в зал. Ни-ко-го. Все давно усвоили это, и на Кон приходят загодя, опоздать сюда – все равно что опоздать на самолет... Тем более что билеты по цене сравнимы. И еще: перед спектаклями Кона никто никого не предупреждает о необходимости выключить мобильные телефоны. Мобилки и пейджеры просто не срабатывают в помещении Кона, и все об этом знают...

Свет в зале стал гаснуть. Глядя сверху на ряды ухоженных голов, на шеренги внимательных лиц, Тимур вдруг подумал не без гордости, что ни с кем из них, сидящих сегодня в партере, Кон не разговаривает. Потрясает – да, это случается почти каждый день. Но не разговаривает.

Открылся занавес.

* * *

Дождь не прекращался. Тимур брел, не разбирая луж.

Дегтярев... За это можно простить и лицемерие, и даже предательство. Пусть хоть какую грязь разводит за кулисами, но Кон принял его спектакль, а значит, Дегтярев сотворил в своей жизни нечто большое и доброе. Потому что люди, расходившиеся вечером с Кона, были добрыми, все, даже администраторша Народного клуба. И будут добрыми до самого утра, а возможно, и весь завтрашний день. А может быть, даже целую неделю...

Тимур шел. Ботинки его промокли.

Ведь что такое эта «Комедия характеров»? Ну, хорошая пьеса. Ну, неплохие артисты, несколько удачных находок... И – жизнь. А кто вдохнул эту жизнь с действо на сцене, Дегтярев или сам Кон, не очень-то важно, потому что если бы спектакль Дегтярева был плох, Кон не принял бы его...

Единственным, что немного смущало Тимура, было ощущение уже виденного. То, что он никогда прежде не ходил на «Комедию характеров», не подлежит сомнению; откуда же это чувство, будто смотришь спектакль не в первый раз?

Впрочем, стоит ли огорчаться по этому поводу... Он ведь попал в театр раньше, чем в ясли, и за четверть века успел пересмотреть столько спектаклей, среди которых были и хорошие...

Тимур остановился у фонарного столба. Подошел ближе. Ткнулся лбом в мокрый бетон.

Боже, всемогущий Боже, если ты меня слышишь... Сделай так, чтобы Кон принял мой спектакль. Ты же видишь, Господи, он хорош. Он не хуже дегтяревского, нет, он лучше. Я не могу молиться Кону – он плевал на мои молитвы, он верит только в то, что видит... Но ты, Господи, ты ведь поможешь мне?

Во всем темном доме горело одно только окно. Окно их с мамой маленькой кухни.

* * *

– Тим, можно тебя на пару слов?

Счетчик неприятностей в душе Тимура щелкнул, не дожидаясь, пока Вита объяснится. Они остановились перед дверью туалета; Вита нервно пощелкала зажигалкой:

– Сигареты есть?

Тимур, не слова ни говоря, вытащил из кармана початую пачку.

– Меня грозят выгнать из института, – сказала Вита, закуривая.

– За что?

– На восемнадцатое назначили дипломный спектакль. У меня там роль – сам знаешь, на три копейки, «кушать подано»... Но куда там. Не подступись. Или я играю восемнадцатого, или меня вышибают без права восстановления. Ну, как?

Тимур молчал.

Вчерашняя «Комедия характеров» еще жила в нем. Смехом зала, напряженной тишиной, подступающим к горлу комом. Отзвуком аплодисментов.

– Вит... После восемнадцатого... На кой черт тебе эти корочки? Сколько ходит людей с дипломами, ни на что не годных, никому не нужных... Ну, напишут тебе в корочках – «Актриса». И что, ты с ним на сцену вылезешь, с дипломом? Зрителю покажешь? Чтобы он поверил?

Вита молчала. Сигарета тлела в ее руке, пепел падал прямо на пол.

– А то, что ты действительно Актриса... Настоящая, глубокая, зрелая... это же и козе понятно, стоит тебе только выйти на сцену. Они хотят тебе сломать хребет, понимаешь? Если ты пойдешь восемнадцатого играть свое «кушать подано» – об тебя ноги вытрут и дальше пойдут... И что бы потом ни написали в дипломе... хоть «гениальная»... это уже не будет иметь значения, понимаешь?

Вита молчала.

Сигарета в ее руке прогорела до самого фильтра.

* * *

– Завтра у нас конкурс клубной самодеятельности, – с сожалением сказала администраторша. – Так что сцена, извините, занята с двенадцати до десяти. Но могу вас пустить в пар-

кетный зал, это там, где танцы... Разумеется, под вашу ответственность, Тимьянов, там очень дорогой паркет...

– Нам не нужен паркет, – сказал Тимур, сдерживая отчаяние. – У нас три дня до премьеры! Нам нужна сцена!

– Но это же Народный клуб, – сказала администраторша укоризненно. – Это же плановое мероприятие, понимаете?

– Понимаю, – сказал Тимур.

Он устал. Да эти десять дней он вымотался, как футбольный мяч. Его били со всех сторон, он метался, ухитряясь каким-то образом добиваться своего, пусть с потерями, пусть на пределе возможностей, но – добиваться...

Уже заказана машина – отвезти декорации.

Уже есть договор с монтировщиками, не раз и не два работавшими на Коне.

«Отказаться можно в любой момент, я не обижусь. В любой момент, до третьего звонка...»

– Пустите нас на ночь, – сказал Тимур. – Это очень нужно. Пустите!

Администраторша смотрела на него – немолодая, неумная, не очень счастливая женщина.

На дне ее глаз еще жило воспоминание о «Комедии характеров» – смех, мысль, тишина, отзвук аплодисментов...

– Не дай вам Бог, Тимьянов, зажигать на сцене настоящие свечи...

– Не будем.

– И не дай вам Бог опять разливать на сцене воду – от этого покрытие коробится...

– Не будем...

– Если вы мне клянетесь, Тимьянов, что в помещении будут находиться только ваши люди... Только те, кто записан у меня в заверенном списке...

– Клянусь!

– ...и если на сцене не будут курить – в порядке исключения, Тимьянов... Слышите? Я допущу вас в зал ночью – в порядке исключения!

* * *

– Тим... Можно тебя на минутку?

Борис. Опять что-то случилось.

– Тим... У меня мама заболела... отец на ночной смене, некому с ней ночью... Тим, не могу я сегодня. Ну хоть убей... Давление высокое... У нее, когда давление... Понимаешь?

Тимур закрыл глаза. Ему показалось – на секунду; когда он поднял веки, оказалось, что Борис смотрит на него с недоумением и ужасом.

– Боря, – сказал Тимур. – Хочешь, я найду для твоей мамы сиделку? С медицинским образованием?

– У меня денег...

– Совершенно бесплатно? Хочешь?

– Тима...

– Боря. Осталось три дня. Мы не можем делать прогон без тебя. Мы не можем.

– Но мама...

– Я же сказал, что приведу сиделку.

– А если ей станет хуже? – в глазах Бориса мелькнула тень истерики. – А если... я же не смогу жить! Я же...

Тимур взял его за воротник. Притянул к себе, к самым глазам:

– Ей не станет хуже. Ей будет лучше, это я тебе говорю! Я найду самую лучшую в городе медсестру. Я оплачу лекарства... Я найду профессора, и он бесплатно будет с ней сидеть! Всего несколько часов, с одиннадцати до пяти утра! Ну как, согласен?!

Борис молчал. Хватал воздух ртом, как рыба.

* * *

– Тима, ты не забыл о своем обещании?

– Я разве что-то обещал, мама?

Длинная пауза.

– Ты обещал позвать меня на генеральный прогон.

– Нет. Я не обещал. Ты просила, чтобы я обещал, но я...

– Тима. Послушай... Нет, не слушай. Не слушай никого, только себя... шагай через меня, шагай через всех... ради искусства... оно того стоит... если Кон оценит тебя – все простят тебе... всё простят... даже те, через кого ты переступил...

– Мама, отдай бутылку. Ну отдай! Тебе нельзя больше!

– Господи, как мне тяжело. Знать все наперед – и ничего не уметь объяснить... Я знаю. И не могу убедить тебя. Тим, я приду на прогон, восемнадцатого, утром. И ты не сможешь помешать мне. Кон меня знает, он знает, что ты мой сын, он меня пропустит.

* * *

Начало ночной репетиции назначено было на одиннадцать ноль-ноль. Во всем здании клуба никого не было. Дремал вахтер в запертой прихожей, на сдвинутых стульях; покачивались на сквозняке бумажные гирлянды, непрременный атрибут всех смотров самодеятельности.

– Который час?

– Одиннадцать сорок...

Тимур и Дрозд дежурили у входа, чтобы сразу услышать, когда Кирилл постучит в запертую стеклянную дверь. Но минуты шли, а Кирилла не было.

Без десяти двенадцать.

– Спокойно, Тим. Все бывает. Я в Кирюшку верю. Он придет.

Ноль часов две минуты. Ноль часов, тридцать минут...

В холле появилась Вита. Молча протянула карамельку Тимуру и еще одну – Дрозду.

Ноль часов сорок минут.

– Я его видела сегодня... то есть вчера вечером. Он был веселый, никакого намека... даже мысли не было, что он может не прийти!

Тимур молчал.

Еще в одиннадцать десять младший брат Кирилла, с которым Тимур говорил по телефону, утверждал, что Кир пошел на репетицию. И уже давно.

– Иди к ребятам, – сказал Тимур Вите. – Возьми у меня в сумке термос с кофе, литровый такой, знаешь...

– Ага, – деловито обрадовалась Вита.

Вахтер храпел.

Ноль часов пятьдесят девять минут...

Тихий стук в стеклянную дверь.

Они вскочили одновременно – Тимур и Дрозд. Осторожно, чтобы не разбудить вахтера, вынули железную скобу, соединявшую ручки дверей; Кирилл вошел странно, боком, надвинув на глаза вязанную лыжную шапочку.

– Кир?!

– Руку сломали, – сказал Кирилл, будто извиняясь. – Тим... Это ничего. Руку сломали, но ведь не ногу же... А морду гримом залеплю, ничего и не видно будет... А сотрясения, сказали, нет... Только руку сломали... Такая шобла, человек пять...

Под правым глазом Кирилла растекался синяк. Щека расцарапана, губы разбиты; правая рука висела на перевязи, в лубке, и видны были синие, перепачканные гипсом пальцы.

«Отказаться можно в любой момент, я не обижусь. В любой момент, до третьего звонка...»

Тимур без сил опустился на скрипучий стул.

– Кирюха...

– Я в травмпункте был, – сказал Кирилл. – Сказали, сотрясения-то нет... Это же классно, Тим. Было бы сотрясение – я не играл бы, наверное... А так я могу играть. Подумаешь, мой Писатель будет в гипсе... Это даже интересно. Все подумают, что это такое художественное решение. Или можно гипс снять, а после премьеры надеть... Ты слышишь меня, Тим?

Тимур молчал. Перед глазами у него плыли цветные пятна.

* * *

Днем семнадцатого числа они провели последний прогон на сцене Народного клуба. Администраторша, которую никто не звал, явилась сама и уселась посреди пустого скрипучего зала.

– Поразительно, – сказала она потом, отловив Тимура в коридоре. – Я думала, это классика...

– А это и есть классика, – сказал Тимур.

Администраторша недоверчиво покачала головой:

– Какая же это классика? Она же не скучная!

* * *

Ночь с семнадцатого на восемнадцатое Тимур опять не спал. Знал, что надо быть в форме; проглотил даже снотворное, но ядовито-желтая таблетка ухнула, будто в прорву, безо всякого эффекта.

Он сидел на кухне над какой-то книгой – но читать не мог; смотрел на строчки и слушал, как ворочается в своей спальне мама.

В семь часов он вышел из дому – мама была еще в постели. В половине восьмого к зданию Народного клуба подъехал крытый грузовик; Тимур проследил, чтобы декорации грузились аккуратно и ничего из реквизита не было забыто.

В половине девятого декорации разгрузили у Кона. Несмотря на суетливый утренний час, вокруг собралось изрядное количество зевак.

Монтировщики, с которыми Тимур договорился заранее, начали ставить декорацию ровно в девять.

В девять тридцать к служебному ходу подтянулись бледная Оля, суровая Вита, хмурый сосредоточенный Дрозд, похудевший за последние дни Борис и Кирилл с загипсованной рукой.

– Идем все вместе, – сказал им Тимур. – Ничего не пугаемся, ведем себя естественно... Для Кона мы – пока никто, просто приятные незнакомцы. Кон оценит нас во время спектакля... Ну, с Богом?

И они вошли.

Черные стрелки на зеленоватом циферблате показывали девять тридцать восемь.

– Доброе утро, – сказал Тимур, стараясь, чтобы голос его звучал как можно ровнее. – Вот и мы... Ребята, представьтесь, скажите, как вас зовут...

Они по очереди называли себя. Оля была бледная до синевы, Вита, наоборот, красная, как учительские чернила. Борис тяжело дышал, Кирилл покусывал губы, и только Дрозд, казалось, ничего не чувствовал. Во всяком случае, шарящий по его лицу взгляд не причинял ему видимых неудобств.

– Нам нужно две гримерки, – продолжал Тимур, успокаиваясь с каждым словом. – Для мужчин и для девушек...

Звонко хлопнуло окно наверху, на лестничном пролете.

– За мной!

Он почувствовал себя полководцем, ведущим войска в атаку. Он провожал их, оробевших, к победе. Вел тех, кто ему доверился. Вел наверх по лестнице, к признанию, к славе.

В темном коридоре мерцал свет. Две гримерки рядом стояли с распахнутыми дверями: та, в которой Тимур побывал в первый свой визит к Кону, и другая, побольше, на шестерых.

Его друзья, понемногу осваиваясь, вертели головами. Послышались первые возгласы восторга; Оля разглядывала себя в зеркале, Борис плюхнулся на кожаный диван, Дрозд пробовал воду в умывальнике: и холодная, и горячая...

Вита смотрела в окно. Тимур остановился за ее спиной: улица, в этот час многолюдная, казалась муравьиной тропой, а ведь они смотрели всего лишь со второго этажа!

– Все зависит от точки зрения, – сказала Вита, будто прочитав его мысли.

И Тимур согласно кивнул.

* * *

В половину одиннадцатого они и Дроздом аккуратно разрезали гипс на руке Кирилла и помогли ему влезть в сценический сюртук. На правую руку с предосторожностями натянули перчатку – Кирилл уверял, что ему совсем не больно и что перелом пустяковый.

Ровно в одиннадцать они начали прогон. Тимур подсознательно стремился к железной пунктуальности – ему казалось, что это должно понравится Кону.

По команде Тимура Кон дал три звонка («Отказаться можно в любой момент, я не обижусь. В любой момент, до третьего звонка...»). Потом Кон поднял занавес. Потом Кон дал свет.

Они заранее договорились с ребятами, что этот прогон будет в полную силу. Никаких скидок на новое место и новые условия; Кон делает свою техническую работу – выставляет свет, проверяет звук – а они, артисты, делают свою.

Тимур сидел в зале – в роскошном зале с мягкими креслами, в таком уютном, интимно-театральном зале – и ничего не понимал.

То ему казалось, что все идет наперекосяк, и новая сцена губит ребят, приигравшихся к Народному клубу. Тогда он нервничал и кричал в полный голос, забыв о предоставленном Коном микрофоне:

– Оля, я не слышу! Громче! Борис, громче! Четче слова говори, тебя что, не учили?!

Потом ему показалось, что спектакль выровнялся. Что ребята нашли себя в пространстве, перестали нервничать, что все идет, как надо, что Кон не может не принять такого оригинального, такого смелого, такого...

Потом усталость взяла свое. Он сидел, механически фиксируя просчеты, записывая их на огрызок бумаги, да иногда покрикивал: «Громче!».

Первое действие прогнали за час десять, второе – за час ноль четыре. Тимур автоматически отметил, что первое надо поджать на десять минут за счет ритма, а второе ничего, сойдет и так...

– Тридцать минут перерыв – и собираемся у ребят в гримерке... Коля, поможешь Кириллу?

Дрозд успокаивающе кивнул – мол, и так понятно, не волнуйся, раненого товарища не бросим. Они втянулись в кулисы – возбужденные, веселые каким-то отчаянным весельем, весельем солдат перед рукопашным боем...

– Тима...

Он вздрогнул. На секунду ему показалось, что это Кон обрел голос и зовет его.

Но у Кона нет голоса.

Тимур обернулся. У дверей в зал, в проходе между ложами, стояла мать.

Странно, но он ничего не почувствовал. Ни удивления, ни злости.

Подошел, мягко ступая по ковровой дорожке:

– Привет.

– Привет, – сказала мать. – А я из яруса смотрела...

– Ловко, – сказал Тимур.

– Ты знаешь, Тима, – сказала мать. – Ты... я ничего не поняла! Просто удивительно...

Мне было интересно, я ни о чем не думала, даже о том, что это Кон, что ты мой сын... Но я ничего не поняла. Наверное, это хороший спектакль?

– Я так думаю, – отозвался он устало.

– Это... странно все... даже пугает, неожиданно... отчасти раздражает... но это все равно хороший спектакль. Да?

Она заглядывала ему в глаза почти заискивающе. Как будто от ответа Тимура зависит, быть ли спектаклю хорошим.

– Да, – сказал он.

– Ребята замечательные, – сказала мать. – Особенно девочки. И этот, длинный... А у того, что Писателя играл, такая боль в глазах, такая настоящая боль...

Тимур открыл рот, чтобы сказать про сломанную руку Кирилла. Но удержался, не сказал.

Мать приподнялась на цыпочки, будто собираясь поцеловать его в щеку. В последний момент передумала:

– Удачи, Тимка... Ну, удачи.

* * *

На двери гримерки, откуда доносились голоса Дрозда и Бориса, было написано красным фломастером: «Не передумал? Можешь отказаться до третьего звонка».

Тимур огляделся.

Пусто. Пустой коридор. Когда сюда входили ребята, на двери еще не было этой надписи...

Маленькая лампочка в проволочной оплетке. Не горит; вместо этого ярко сияют два плафона дневного света.

– Не передумал, – сказал Тимур сквозь зубы. – И не надо меня пугать.

* * *

В половине третьего он сбегал в кафе и принес обед для всех – ватрушки, сосиски в тесте, кофе, лимонад. На обратном пути у служебного входа его встретил Дегтярев.

Тимур хотел пройти мимо, ограничившись прохладным кивком – но Дегтярев заступил ему дорогу:

– Я видел кусочки твоего прогона...

– Я тронут, – сказал Тимур. – Такое впечатление, что весь город собрался сегодня посмотреть «кусочки моего прогона».

– Это занятно, – сказал Дегтярев. – Это своеобразно, даже, наверное, талантливо. Знаешь, на что похож твой спектакль? Захламленная комната, и к самым неожиданным предметам припилены булавкой высушенные бабочки. К старым башмакам, к скатерти, к обоям...

Надо было идти, но Тимур стоял. Полиэтиленовый пакет с едой оттягивал руку, почти касался асфальта.

– Да-да, – с усмешкой продолжал Дегтярев. – Пьесу-то знает каждый школьник... но даже я, который сам когда-то ее ставил, сегодня слегка удивился. Ты все вывернул наизнанку. Пьеса то о Писателе, а ты ее поставил об Ученом, который вообще-то второстепенный персонаж. Текст – побоку, мотивации – обнажить, и к каждому поступку пришить, как бабочку, собственный образ, ассоциацию... Задумка интересная, но получилось во многом формально, Тима. Немножко драма, немножко балет, а то и вовсе музыкальные иллюстрации. Жаль. Если бы тебе толику профессионализма...

Тимур стоял, будто подсознательно хотел услышать... что?

– Забавный спектакль, – с сожалением сказал Дегтярев. – Но Кон, мне кажется, его не примет.

– Почему? – спросил Тимур. – Ты знаешь, что нравится Кону?

Дегтярев странно улыбнулся:

– Тима... Это ведь вовсе не секрет – что нравится Кону. Не секрет.

* * *

Люди начали собираться загодя – уже к пяти у входа стояли, переминаясь с ноги на ногу, ловцы «входных без места».

Кон любит премьеры. Кроме традиционно распроданных билетов, Кон пускает на премьеры студентов и актеров, да и просто самоотверженных любителей театра – они сидят на приставных местах, на ступеньках, в проходах.

Тимур не сомневался, что те, кто бил Кирилла в темной подворотне, тоже здесь.

Все режиссеры, чьи спектакли шли на Коне, и все артисты, занятые в этих спектаклях, на премьеры приглашались автоматически.

Явился Дегтярев. Тимур увидел его издали – и малодушно отступил, ушел через служебный ход. Сейчас у него не было сил еще и на Дегтярева.

Зал был заполнен до отказа. Те, у кого были билеты, сидели. Те, у кого билетов не было, мостились кто как мог; Тимур побродил по второму ярусу, рассматривая сверху знакомые и незнакомые лица, и пошел к ребятам.

Все были готовы. Все были собраны и решительны; на лице Кирилла лежал слишком толстый слой грима, но Тимур понимал, что менять что-либо уже поздно. Если Кон примет спектакль, он скроет от зрителя эту штукатурку. Если Кон не примет спектакля...

Тимур вырвал ненужную мысль, как вырывают седой волос.

«Ребята! Мы на пороге успеха. Это наш самый главный шанс...»

Но вместо этого сказал только:

– На сцену!

Они молча поднялись.

Тимур шел позади всех. Поражался, как ребята ловко научились ориентироваться в недрах Кона – за один только день; вот звенит первый звонок, но публика давно уже в зале, всем не терпится, все ждут начала зрелища...

Он повернулся и побрел в режиссерскую ложу – ту самую, где не так давно сидел Дегтярев.

Сел в глубине; праздные взгляды зрителей то и дело шарили в поисках режиссера, Тимур не желал ничьего внимания, он ждал, пока погаснет свет...

Второй звонок.

Ожидание сделалось нестерпимым.

Когда прозвенит третий – Тимур знал – все будет решено, хода назад не станет, сразу делается легче. Но хорошо бы поскорей пережить эти последние минуты, между вторым звонком и последним, третьим...

Вот и он. Слава Богу. Шаг сделан, а теперь – неси меня, ветер...

Погас свет. Тимур придвинулся ближе к сцене.

Зазвучала музыка.

Поднялся занавес.

* * *

– Тима, остановись! Тима, перестань! Он никогда ничего не объясняет... Пойдем!

Тимур стоял перед дверью служебного хода и тянул ее на себя, и толкал ее, и бил ногами – но дверь не поддавалась. Кон не желал больше видеть его; длинные руки Дрозда оттаскивали Тимура прочь, в темноту, но Тимур возвращался снова – и дергал ручку, и толкал, и бил.

– Ты сам во всем виноват, – глухо сказал Борис. – Теперь поздно...

– Заткнись, – через плечо бросил Дрозд.

– Это правда, Коля, – сказал Борис. – Он нас подставил. Всех.

– Еще слово, и сверну челюсть, – сказал Дрозд так спокойно и ровно, что Борис отступил на шаг:

– Коля... Что я маме скажу?! Если я скажу ей правду... у нее же новый приступ будет, Коль...

Дрозд тяжело обернулся:

– Скажи ей неправду. Скажи... Слушай, уйди, Борька! Я могу тебе рыло начистить, но стыдно же будет потом...

Борис отошел. Сел на кромку газона, спиной к фонарному столбу.

Тимур смотрел на закрытую дверь.

...Начали удачно. Дрозд, игравший Ученого, укладывался точно в заданный ритм. Его партнерша Оля, которой всегда трудно давалось начало спектакля, шла за Дроздом, как овечка на привязи...

Только чрезмерная седина на висках Дрозда почему-то отвлекала и раздражала Тимура. Он успел подумать, что надо бы точнее выверить грим...

А потом он понял, что ничего, кроме фальшивой седины, не видит и не замечает. Что Дрозд весь соткан из фальши, что Оля говорит невнятно и тихо, что сцена безбожно затянута. Никакого действия нет и в помине, диалога нет, есть формальные слова и жесты, и зритель начинает потихоньку ерзать, скрипеть мягкими креслами, вполголоса переговариваться, нетерпеливо кашлять...

Спектакль, еще вчера натянутый, как струна, теперь провис сырым тестом. Тимур ждал, что появление Кирилла спасет дело – но получилось еще хуже.

Кирилл весь был будто деревянный. Сломанная рука сковывала его движения – но не было настоящей боли, так поразившей мать на утреннем прогоне. На сцене стоял неуклюжий юноша, ничего не видящий, не слышащий, существующий отдельно от партнера, говорящий заготовленный текст...

И тогда у Тимура потемнело в глазах.

Вот, оказывается, как это бывает.

Вита стирала белье в ледяной воде, но энергии, так радовавшей когда-то Тимура, не было и в помине. Был наигрыш, суета, разлетающиеся грязные брызги, грохот стиральной доски, съедающий текст и Виты, и партнера...

В зале откровенно скучали. Кое-кто ушел, не дожидаясь перерыва; пустые места зияли выбитыми зубами. Когда, наконец, рассыпающийся на ходу спектакль дотянулся до антракта, зал встретил опустившийся занавес разочарованным гудением и редкими хлопками.

Половина зрителей сразу же рванула в гардероб – за своей одеждой. Хлопали, выпуская людей, входные двери.

...Эти двадцать минут перерыва были самым страшным временем в его жизни. Потому что он пошел к ребятам, и криком, угрозами, руганью взялся доказывать, что второе действие отыграть надо во что бы то ни стало, потому что артистов, не доигравших спектакль, Кон просто не выпустит на улицу...

И они сыграли второе действие, которое прошло под свист, кашель, громкое сморкание и ехидные смешки.

После того, как опустился занавес, им устроили короткую издевательскую овацию. Все те, чьи спектакли с успехом шли на Кону – артисты, режиссеры, драматурги – все они хлопали в ладоши, приветствуя неудачу нахальных конкурентов.

Через полчаса после окончания спектакля перед служебным входом Кона остановились сразу две скорые. Дрозд поехал с Кириллом, которого надо было срочно везти в хирургию, Тимур сел в машину с Олей, которую срочно надо было везти в неврологию; Вика и Борис остались ждать в прокуренной гримерке.

...Кириллу вкололи обезболивающее и снотворное, и он спал. Оле вкатили три укола кряду, и она тоже спала, а немолодая врач качала головой, стоя с Тимуром в продуваемом сквозняками приемном покое: «Это у меня девятый пациент... после Кона. Да-да... Вы-то сами – как?»

...Потом они провожали Виту. Вита была твердая, как алебастр, и такая же белая. Тимур что-то говорил – вряд ли Вита слышала хоть полслова...

А потом снова, как примагниченные, вернулись к Кону. Который встретил их темными окнами и наглухо закрытой дверью служебного хода.

– Тима, пойдем домой. Пойдем, проводим Борьку... Оставь ты эту дверь. Оставь ты это... все. Переживем...

– Коля, – сказал Тимур, оборачиваясь. – У меня к тебе огромная просьба... Отвези Борьку сам. Мне надо... у меня есть еще одно дело.

* * *

В квартире долго никто не отзывался. Тимур позвонил снова. И еще.

Шорох. Свет в дверном глазке. Кто-то смотрит на Тимура с той стороны, из-за двери.

Щелкнул замок. В желтом проеме обнаружился человек в распахнутом халате, всклокоченный, с мятым, как пластилин, розовым лицом:

– Ты знаешь, который час?!

– Полтретьего ночи, – сказал Тимур. – Надо поговорить.

– Ты мне... Ребенка разбудил!

– Надо поговорить, Дегтярев. Пустишь меня – или на лестнице перетопчемся?

О чем-то нервно спросила женщина из глубины квартиры.

– Спи! – крикнул ей Дегтярев. – Спите, все в порядке...

Исподлобья глянул на Тимура:

– Заходи...

У входа Тимур сбросил ботинки. В носках прошел на просторную кухню, присел на самый край клеенчатого диванчика; кухня была аккуратная и яркая. В углу стоял высокий детский стульчик, на вешалке для полотенец висел нарядный фартучек-слонявчик.

– Тебе выпить? – деловито осведомился Дегтярев. – Оно обычно очень помогает...

– Нет, – Тимур мотнул головой. – Выпить я и сам могу. Мне поговорить.

– Н-ну, – неопределенно протянул Дегтярев, устанавливая на плитке красный пузатый чайник. – Я же тебя предупреждал... правда ведь? Но лежачего не бьют... Чего уж теперь старое поминать... Чем я могу помочь тебе, Тима?

– Ты сказал: «Спектакль хороший, но Кон его не примет».

– Я сказал – «спектакль забавный»...

– Ты сказал: «Не секрет – что нравится Кону». Я-то по простоте душевной думал, что ему нравятся хорошие спектакли...

Дегтярев серьезно кивнул:

– Ты правильно думал.

– Но ты имел в виду что-то другое? Когда говорил...

– Нет, Тима, – чуть преувеличенно удивился Дегтярев. – Я имел в виду именно хорошие спектакли. Профессиональные, серьезные... Не секрет, что Кону нравятся хорошие спектакли.

Тимур помолчал.

– Значит, мой спектакль недостаточно хорош?

Дегтярев поджал губы:

– Тима, я тебя понимаю, все еще очень свежо... Потрясение от провала... Давай сейчас не будем об этом, а? Может быть, через неделю, когда страсти поулягутся...

Тимур сухо усмехнулся:

– Все, кто нуждался сегодня в утешении, уже получили его – из рук медсестры со шприцем... Почему ты заранее знал, что спектакль не понравится Кону?

– Потому что он сырой и беспомощный, – мягко сказал Дегтярев. – Видишь ли, Тима... Кон не в состоянии добавить спектаклю достоинств либо недостатков. Он берет то, что уже имеется – и тактично выделяет, подчеркивает... то, что считает нужным. Это можно сравнить с искусством фотографии – вот женщина средних лет, с помощью света и ракурса можно сделать из нее старуху, а можно – юную красавицу... При этом лицо будет одно и то же – ее лицо. Весь вопрос в том, любят ее или нет...

– Нас не полюбили, – сказал Тимур.

Дегтярев кивнул:

– Все, что ты сегодня видел – реальные недостатки твоего спектакля, Тима. Кон никогда не лжет. Правда, в спектакле были и достоинства – но Кон не считал нужным подчеркивать их...

Дегтярев снял чайник с плиты. Заварил чай прямо в чашке; Тимур смотрел, как набухают, распрямляясь, чайники в кипятке.

– Да, Тима. Вот, например, этот мальчик, который играл Писателя – он когда-то полностью пропустил первый курс училища. То есть он учился, но ничего не взял... Это фатально. Он элементарно не видит партнера. А эта девочка...

– Кир играл со сломанной рукой!

– А кого это волнует? Все наши боли, травмы... наше личное дело. Ты никогда прежде не слышал, что Кон жесток? Очень жесток? Как животное? Что Кон ценит только спектакль, только действие на сцене, а прочее для него – мишура?

– Я не верю, что наш спектакль плох, – медленно сказал Тимур. – Это Кон изуродовал его.

– Думай что хочешь, – Дегтярев пожал плечами. – Во всяком случае я рад, что ты не утратил мужества... Видывал я других режиссеров после провала на Кону – случались и слезы, и сопли, и попытки самоубийства...

Тимур долго смотрел на него. Потом ухмыльнулся. Покачал головой:

– Размечтался, ей-Богу... Ну ты размечтался.

* * *

Горели фонари; в половине четвертого утра город походил на аквариум, из которого выплеснули воду, такой же пустой и тускло-прозрачный. На всем долгом пути Тимуру встретилось одно только подслеповатое такси у кромки тротуара. Заинтересованно подмигнуло Тимуру фарой – а он был в распахнутом пальто, в приличном, но измявшемся за ночь костюме, со съехавшим на бок галстуком, с виду – вполне кандидат в пассажиры...

Тимур прошел мимо.

Способность прокручивать перед глазами когда-то виденные – или воображаемые – сцены обнаружилась у него еще в раннем детстве. В институте выяснилось, что это качество незаменимо для будущего режиссера; шагая по лужам, Тимур просматривал свой спектакль. На таким, каким он был сегодня – а таким, каким он должен быть; в чем ошибка, спрашивал себя Тимур, но не находил ответа.

Все огрехи и неточности, подмеченные Коном, действительно были. Но ведь было и другое! Была мысль – так, во всяком случае, Тимуру до сих пор казалось. Был оригинальный ход, было решение, был стиль...

Почему Кон не пожелал этого видеть?

Неужели Тимур и в самом деле «графоман от театра», как однажды обозвала его агрессивная начинающая критикесса?

Он остановился на перекрестке. Блестящая мокрая брусчатка показалась ему бесконечным зрительным залом, увиденным сверху, со второго яруса, а то и вовсе – с неба...

На той стороне пустынной улицы возвышался темный, спящий Кон. Перед парадным зрительским входом стояли круглые афишные тумбы – всего десять, Тимур впервые сосчитал их, когда ему было года три...

Сейчас на Коне было четырнадцать действующих спектаклей. Самому старому шел седьмой год. Самый молодой – «Комедия характеров» – жил на Коне всего четыре месяца и выдержал что-то около десятка представлений.

Тимур пересек мостовую. Остановился перед шеренгой тумб; «Десять Толстяков» – так их звали. «Что, – насмешливо говорили первокурснику, – хочешь увидеть свою афишу на одном из Десяти Толстяков?»

Тимур шел, разглядывая плакаты, виденные им уже множество раз. Сперва он воскрешал в памяти все эти драмы, комедии, трагикомедии, вспоминал в деталях и подробностях, а потом устал и стал просто разглядывать афиши.

А почему нет фотографий, вдруг подумалось ему, когда самый последний Толстяк был изучен до последней буквы. Почему, ведь перед каждым городским театром – обычным, большим и не очень, хорошим и так себе – обязательно клеят на стенды фотографии актеров, заснятые сцены из спектакля...

А ведь Кон запрещает снимать спектакли на видео. Традиционное объяснение – сценическое действие невозможно хорошо заснять, его нужно смотреть из зала. У всех, кто пытался обойти запрет, обязательно портилась камера или размагничивалась пленка...

Тимур медленно двинулся обратно – вдоль шеренги Толстяков. «Кону нравятся хорошие спектакли». Вот афиши четырнадцати хороших спектаклей...

Увидеть бы их хоть раз на нейтральной сцене, вне Кона.

Тимур остановился.

Ни один спектакль, принятый на Кон, ни разу после премьеры не игрался на обычной сцене.

Его мать побоялась выйти на обычную сцену – после головокружительного успеха на Коне...

Тимур запахнул наконец пальто. Утренний ветер пробирал до костей.

Если бы можно было отделить магию Кона от собственных достоинств спектакля... Тогда, возможно, ему удалось бы понять...

Белый циферблат над зрительским входом показывал половину пятого утра. Скоро надо будет ехать к Оле в больницу...

Телефонные будки стояли в ряд – сразу четыре. Тимур бросил жетон, набрал номер; трубку схватили сразу же, и Тимур пережил короткий приступ раскаяния.

– Тима?!

– Со мной все в порядке, – сказал он как мог мягко. – Ма, скажи... Ты видела дегтяревскую «Комедию характеров» перед премьерой, еще до Кона?

– Тимка...

– Прости, ма.

Пауза.

– Да. Видела.

– Это действительно было так здорово? Без помощи Кона?

Пауза.

– Тима, где ты? Иди домой. Пожалуйста. Ира звонила... Человек десять звонили, все хотели тебе сказать, какой ты хороший, какой ты...

– Скажи, мама, спектакль Дегтярева... Мне казалось, я его видел раньше.

– Тима, иди домой. Прошу тебя... Я тебе все расскажу, когда ты вернешься...

– Я скоро приду. Пока, мам.

– Тима, пожалу...

Он аккуратно повесил трубку на рычаг. Сунул руки глубоко в карманы пальто; втянув голову в плечи, обогнул угол и остановился перед служебным входом.

Дверь была по-прежнему закрыта. Тимур потрогал ручку; потянул, зная заранее, что попытка обречена.

Поднял голову. Посмотрел на ряды темных окон.

Медленно, будто гуляя, обогнул еще один угол и оказался на заднем дворе театра. Отсюда монтировщики грузили декорации...

Широкие железные ворота были тоже закрыты. Зато приоткрытой оказалась форточка на втором этаже. На окне без решетки.

Тимур снял пальто. Повесил на сучок маленького облезлого дерева; подумал и снял пиджак. Сумку оставил рядом. Ни о чем не думалось, но хорошо и спокойно было от ощущения, что наконец-то можно действовать. Добиваться цели, а не анализировать поражение.

Было очень холодно. Тимур вскарабкался сперва на дерево, оттуда – на крышу стоящего рядом гаража, оттуда – на карниз второго этажа. Больше всего он боялся, что форточка захлопнется у него перед носом. Это было бы вполне в духе Кона – но Кон либо спал, либо недооценивал Тимура, либо просто любопытствовал: и что же дальше?

Форточка была узкая, но Тимур был тощий и не очень большой. Дрозд – тот не влез бы. А Тимур, хоть и ободрал немного бока и порвал рубашку, но пробрался без особых трудностей, оставил грязные отпечатки ботинок на белом подоконнике, спрыгнул на пол.

Нашупал в кармане зажигалку. Огляделся.

Костюмерная. В обычном театре ее выдал бы запах нафталина, но Кон не терпит пронафталиненных костюмов. Да мошь здесь и не водится.

Глаза Тимура приноровились к темноте. Пощелкивая время от времени зажигалкой, он пробрался к выходу. Каждый из идущих на Кон спектаклей имел свою стойку для костюмов, каждый костюм источал свой запах, Тимур жадно поводил ноздрями – пахло пудрой, духами, машинным маслом, воском... но больше пахло потом. Даже изысканное платье со страусиными

перьями, платье героини из «Комедии характеров», пахло, как надушенное трико силового гимнаста.

Тимур толкнул дверь – она поддалась, и это было славно, потому что он до последней минуты боялся, что дальше костюмерной его не пустят.

В коридоре не было окон. Здесь стояла совершенно непроницаемая темнота.

– Добрый день, – сказал Тимур, стараясь говорить спокойно. – Вернее, доброе утро... Я прошу прощения, что вошел без спросу. Но мне очень надо поговорить.

Тишина.

– Я прекрасно понимаю – многие, наверное, после провала вот так же требовали объяснений...

Тишина.

Тимур двинулся вдоль коридора, ведя по стене рукой. Запнулся о свернутую в рулон дорожку; дальше пошел осторожнее, время от времени щелкая зажигалкой – выискивая надписи на стенах.

Надписей не было.

Стена была холодная, шероховатая. Коридор свернул; обнаружилась лестница. Тимур худо-бедно сориентировался, подниматься не стал, а пошел по коридору дальше – по направлению к сцене.

– Я думаю, вы меня слышите. Но притворяетесь, что меня здесь нет. Что же... Я расскажу. После сегодняшнего... вчерашнего провала меня не возьмут даже вести школьный драмкружок. Не знаю, потеряет ли что-то театр оттого, что меня в нем не будет. Может, и не потеряет. Это и не важно. Речь не обо мне. Речь даже не о тех, кого я подставил под удар, не о Вите, которая могла бы стать великой актрисой. Не об Ольге, которую придется долго лечить. Не о Борисе, чья карьера закончена. Не о Кирилле, преданном театру настолько, что он и с разmozженным черепом играл бы, наверное... И не о Коле Дрозде, чей редкостный талант так никто и не оценил. Речь не о том. Я хочу знать... просто объясните мне, что вас так раздражает в этом проклятом спектакле? Что именно? Ведь вы сломали его, как игрушку. Изуродовали перед зрителем. Превратили в карикатуру на самого себя... Потому что он сделан не по правилам? Не по тем правилам, которые вы считаете абсолютными? По другим правилам?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.